

казахов (69 %). Немногим меньше этот ответ выбрало калмыков (60 %). Среди русских таких оказалось 47 %. Соответственно, в русской этнической группе больше всех респондентов, выбравших ответ «главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна» (44 %). У калмыков этот показатель составил 28 %,

казахов – 25 % (табл. 4).

В целом, результаты социологического опроса показали устойчивость в сознании респондентов наряду с ценностью образования ценностей материального порядка как инструментов для достижения успеха в жизни.

Таблица 4. Скажите, что значит для Вас свобода?

Варианты ответов	национальности		
	калмыки	русские	казахи
свобода - это то, без чего жизнь теряет смысл	40%	12,2%	5,2%
	279	85	36
главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна	18,9%	11,3%	1,9%
	132	79	13
другое	7,3%	2%	4%
	51	14	3
всего	66,6%	25,5%	7,4%
	465	178	52

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения / Ц.Б. Будаева, Н.Ц. Хантургаева, Д.Ц. Будаева [и др.]. Улан-Удэ:

Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 18.

2. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 57.

ББК 60.54

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ (по итогам опроса 2008 г. в Калмыкии)

Л.В. Намруева

В статье на основе данных социологического исследования 2008 г. анализируются малоисследованные проблемы, связанные с определением роли конфессионального фактора в процессе сохранения калмыцкой этничности.

Ключевые слова: *буддийская культура, виды социальной идентичности, конфессиональный фактор сохранения калмыцкой этничности.*

On the basis of the data of sociological research carried out in 2008 the author analysed problems connected with definition of the role of the religious factor in the process of preservation of the Kalmyk ethnicity.

Keywords: *Buddhist culture, kinds of social identity, confessional factor of preservation of the Kalmyk ethnicity.*

Конфессиональный фактор является важным для этнической идентификации российских буддистов, особенно для калмыков, территория расселения которых находится в отдалении от традиционных центров буддизма. Для калмыков, единственного монгольязычного народа на европейской территории, живущего на протяжении четырех столетий в тесном взаимо-

действии с народами иных культур и религий, этнический фактор, безусловно, играет важную роль в идентификационном процессе.

В данной статье анализируются отдельные результаты социологического исследования, проведенного в 2008 году Центром этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в рамках проекта

«Языковая ситуация в Республике Калмыкия». Данный проект был поддержан Правительством РК как одно из мероприятий Года калмыцкого языка в республике. Массовый анкетный опрос был проведен в г. Элисте и в восьми районах республики. Всего было опрошено 467 человек калмыцкой национальности. Из них городское население составляет 31%, сельское - 69%. Распределение по полу и возрасту выглядит следующим образом: мужчины составляют 45,6%, женщины - 54,4%. Респонденты в возрасте до 20 лет представлены 13,5%; 20-29 лет - 24,8%; 30-39 лет - 22,3%; 40-49 лет - 22,7%; 50-59 лет - 13,9%; 60 лет и старше - 2,8 %.

В калмыцкой науке еще не появились исследования, целью которых явился бы анализ влияния буддизма на формирование нового социально-экономического пространства; в отечественной науке в целом возрастающему влиянию этой конфессии на различные аспекты социальной реальности пока не уделено достаточного внимания [1, с. 170]. Отсутствие научных трудов, исследовательского интереса приводит к тому, что значение конфессионального фактора не учитывается при решении таких важных социальных проблем, как экономическая, политическая, демографическая, в том числе и тех, что рассматриваются в данной статье. Необходимы междисциплинарные исследования, научные поиски возможностей, способов, которые позволят решить проблемы, связанные с сохранением и дальнейшим развитием калмыцкого этноса, его неповторимой самобытной культуры, в том числе и его вероисповедания.

Б. У. Китинов отмечает, что буддизм играет важную, если не определяющую, роль в идентификационных процессах у народов России, традиционно исповедующих эту религию: у бу-

рят, калмыков, тувинцев и части алтайских народов [2, с. 174]. У калмыков, по его мнению, «буддийская культура является основным показателем для идентификации» [2, с. 178].

Мы считаем, что в процессе калмыцкого духовного возрождения научная и общественная мысль обращена преимущественно в прошлое, в редких случаях - в настоящее и крайне редко, а практически нет - в будущее. В связи с тем, что происходит рост религиозности населения республики, и конфессиональный фактор является одним из основных этноопределителей, наряду с такими показателями, как «родная земля, территория», «традиции и обычаи», «язык» (это постоянно фиксируют проводимые нами социологические исследования), необходимо использовать эти обстоятельства в процессе сохранения этничности.

В ходе анализируемого исследования мы попытались выяснить, какие изменения происходят в идентификационных процессах, каково соотношение различных видов социальной идентичности. Анализ базируется на ответах респондентов на закрытый вопрос: «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (варианты ответов: россиянином, жителем республики Калмыкия, представителем народа, представителем рода, представителем религии, жителем определенной местности).

В ходе анализа выяснилось, что нынешняя конфигурация социальных идентификаций отличается большим своеобразием. Одной из ее наиболее характерных особенностей является слабость этнической и конфессиональной идентичности, о чем свидетельствует невысокая доля той части респондентов, которая испытывает тесную связь с представителями своего народа и ее традиционной религии (табл. 1).

Таблица 1. Распространенность социальных идентификаций (в % от числа опрошенных)

	Мужчины	Женщины	Общий средний результат
Россиянином	38,0	34,0	35,8
Жителем Калмыкии	40,8	49,8	45,4
Представителем народа	16,0	11,3	13,7
Представителем конкретного рода	2,8	1,6	2,1
Представителем веры	0,4	0,4	0,4
Жителем определенной местности	1,9	2,8	2,4

Полученные данные свидетельствуют, что 35,8% опрошенных калмыков ощущают себя, прежде всего, гражданами России, т.е. у них доминирует гражданская, российская, идентичность. При этом у опрошенных мужчин (38%) она выражена

несколько сильнее, чем у женщин (34%). Этот вид идентичности проявляется через осознание гражданской общности в пределах всего государства, как личная причастность к категории «мы-россияне». Российская идентичность базируется

на месте страны в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности [3, с. 365].

45,4% респондентов ответили, что в первую очередь себя считают жителями республики, т.е. у них доминирует республиканская идентичность, которая опережает российскую и этническую идентичность. Почти половина опрошенных женщин отмечает республиканскую идентичность, у них она проявляется ярче, чем у мужчин (40,8%). Под республиканской идентичностью понимаем разновидность групповой принадлежности, при которой субъект через конструирование социальной реальности сам осознает принадлежность к определенному региону, где он проживает, региональному сообществу, это вызывает у него желание и потребность участия в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием республики.

Мы согласны с тем, что республиканская идентичность связана с естественной привязанностью большинства людей к месту, где они живут, работают, находятся в повседневном общении с природой, привычными людьми [3, с. 353]. Республиканская идентичность является сходной с этнической идентичностью – с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования [3, с. 358].

Как видно из таблицы, 13,7% нашего массива выбирают, в первую очередь, этническую принадлежность. Этот вид социальной идентичности для огромной части населения России является наиболее осознанной и близкой, так как она выступает важной интегрирующей константой в условиях, когда другие ориентиры оказываются размытыми или утраченными. В исследованиях, проведенных в 2004-2005 гг., третья часть респондентов (34,1%) из числа калмыков отмечала, что считает себя представителями народа. В 2008 году таковых оказалось почти в 2,5 раза меньше [4, с. 219]. Эти изменения требуют глубокого изучения, что позволит выявить причины ослабления этнических характеристик.

Разделяем точку зрения Л. Дробижевой, ведущего отечественного этносоциолога, относительно того, что снижение этнической идентичности происходит по той причине, что люди испытывают разную потребность в ассоциированности с этнической группой и имеют разный уровень консолидированности с ней, это также зависит от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричастности, аффилиации с группой, различны чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (имеются ли заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации и др.) [3, с. 366]. Четыре столетия

калмыки мирно соседствуют с разными народами, это способствовало тому, что их этническая идентификация не сформировала этноизолированную общность.

Наряду с этнической принадлежностью к наиболее устойчивым идентификациям относятся и религиозная идентификация. Следует отметить, что самоотождествление с верующими еще не означает наличия веры как таковой. Как считает С.Д. Лебедев, религиозная идентификация вполне может оказаться своеобразным пустоцветом на дереве религии, когда через религию удовлетворяются потребности в других идентичностях – национальной, политической или групповой. В подобных случаях религия используется как средство, а не как цель, как ценность инструментального, а не терминального характера [5, с. 34].

Результаты проведенного в 2004 г. социологического исследования показывают, что верующими считали себя более 60% опрошенных калмыков, из них 90% причисляли себя к буддистам. При этом их религиозность не сопровождается соответствующим поведением, т.е. религиозность большинства скорее носит декларативный характер. Мы считаем, что повышение религиозности происходит не потому, что в повседневной жизни наши респонденты постоянно посещают хурулы, тщательно выполняют предписания Будды, а скорее по той причине, что живут они в республике, в семье с буддийскими традициями. Самоидентификация «я буддист» оказывается шире, чем собственно религиозная идентичность.

Нам близка точка зрения Ж.Т. Тощенко о том, что «религиозная самоидентификация осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотношения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимися под воздействием данной религии» [6, с. 50].

Поэтому самооценка конфессиональной идентичности, данная нашими респондентами, не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческих позиций человека. Результаты анкетирования свидетельствуют о несовпадении уровня религиозности и степени ее проявления.

Анализируя данные исследования 2008 г., отмечаем единичные случаи ответов, в которых зафиксированы конфессиональная, локальная, субэтническая идентичности. Это говорит о том, что они на данный момент не являются актуальными для нашего массива. С другой стороны, мы согласны с мнением Б.У. Китинова, что «проблема идентичности связана с таким моментом, как переплетение религиозной принадлежности с этнической идентификацией людей» [2, с. 178]. В начале 90-х годов XX в. этот исследователь отмечал, что взаимопроникновение этнорелигиозных

компонентов на уровне сознания, связанных с ними обычаев, обрядов, традиций позволяет говорить о том, что этноним «калмык» содержит в себе смысл «буддист», и буддийская культура является основным показателем для идентификации калмыков [2, с. 178].

На изменение результатов, характеризующих конфессиональную идентичность, повлияло изменение содержания задаваемых вопросов. Так, на вопрос «Кем Вы себя считаете?» из списка предложенных альтернативных вариантов более предпочтительными оказываются те ответы, которые характеризуют республиканскую, российскую, этническую идентичности. По мнению Ж. Тощенко, в нашей стране произошло сближение понятий «этническая» и «религиозная идентичность», которые «взаимно покрывают друг друга, в свою очередь порождая весьма сложные взаимосвязи в общественном сознании и социальной практике» [6, с. 50]. Поэтому на вопрос «Какой Вы веры?» респонденты фиксируют традиционную религию народа, к которому принадлежат, действуя скорее от привычного соотношения «калмык, значит, буддист», а, не оценивая свое реальное религиозное поведение и мировоззрение.

Происшедшие изменения требуют глубокого изучения, что позволит выявить причинно-следственную обусловленность изменений в идентификационных процессах. Надо признать, что не только трансформирующееся российское, но и любое современное общество, - это пространство постоянно изменяющихся идентичностей. Можно согласиться с тем, что если в недавнем прошлом смена идентичности предполагала маргинали-

зацию, то в сегодняшнем мире риску оказаться маргиналами более подвержены те, кто сохраняет идентичность вопреки изменению объективной социальной ситуации и не способны принять новые социальные реалии [5, с. 31].

Общеизвестно, что «религия предстает одним из наиболее устойчивых элементов национальной культуры, сопротивляющейся нивелировке культурно-национальной самобытности, одним из каналов передачи этнокультурной информации от поколения к поколению» [7, с. 167]. Религия и этнический язык являются одними из основных элементов культуры, от сохранности которых зависит как сохранение самой традиционной культуры, так и этноса, носителя этой культуры. Нам представляется весьма интересным проследить взаимосвязь языкового и конфессионального факторов в этом процессе.

Одна из задач рассматриваемого исследования заключалась в изучении реальной языковой ситуации. С этой целью в анкету был включен отдельный блок, состоящий из четырех вопросов, три из которых были открытыми. Главным в содержательном и смысловом отношении был закрытый вопрос «Удовлетворены ли Вы тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка?» с семью подготовленными вариантами ответов. Это обстоятельство позволило нам получить обширную информацию от нашей выборочной совокупности. Не стали отвечать на данный вопрос, в среднем, 4,6 % мужчин и 6% женщин. Таким образом, имеющаяся информация дает нам возможность объективного анализа интересующей нас проблемы.

Таблица 2. Удовлетворенность тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка (в %)

Варианты ответов	До 20 лет		20-29 лет		30-39 лет		40-49 лет		50-59 лет		60 и старше	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Вполне удовлетворен	23,1	16,7	20,0	18,2	18,6	12,1	8,2	16,7	32,0	25,0	14,3	16,7
Удовлетворен	25,6	16,7	22,0	16,7	18,6	20,7	14,3	31,5	16,0	30,0	42,9	16,7
Мне все равно	7,7	20,8	2,0	3,0	2,3	1,7	—	1,9	—	—	—	—
Не вполне удовлетворен	15,4	25,0	10,0	22,7	11,6	19,0	12,2	14,8	24,0	10,0	28,6	33,3
Не удовлетворен	15,4	—	18,0	21,2	35,9	31,1	34,7	14,8	20,0	17,5	14,3	16,7
Религия не играет роли	2,6	12,5	4,0	—	—	1,7	2,0	—	4,0	2,5	—	—
Трудно сказать	7,7	—	18,0	15,2	9,3	5,2	18,4	14,8	—	5,0	—	16,7
Нет ответа	2,6	8,3	6,0	3,0	4,7	8,6	10,2	5,6	4,0	10,0	—	—

Проанализируем полученные данные в зависимости от возраста и пола респондентов. Так, нами выявлена следующая закономерность: молодые мужчины (до 40 лет) в большей мере удовлетворены местом религии в процессе сохранения и развития калмыцкого языка в республике, чем женщины этого же возраста. Сравним: 48,7%

мужчин и 33,4% женщин до 20 лет; 42% мужчин и 34,9% женщин 20-29 лет; 37,2% мужчин и 32,8% женщин 30-39 лет дали положительный ответ на поставленный вопрос.

Пятая часть (20,8%) опрошенных девушек высказала свое равнодушное отношение к этому процессу. Это самое максимальное количество ин-

дифферентных ответов на вопрос «Удовлетворены ли вы местом религии в процессе сохранения и развития калмыцкого языка?». В старших возрастных группах (50-59 лет, 60 и старше) этот вариант отсутствует, а в остальных половозрастных группах он отмечен минимальным числом опрошенных. В большинстве своем людям не безразлично, какую роль играет буддизм, традиционная религия калмыков, в процессе сохранения языка.

Не удовлетворены местом религии в рассматриваемом процессе:

30,8% юношей; 25% девушек до 20 лет;
28% мужчин; 43,9% женщин от 20–29 лет;
47,5% мужчин; 50,1% женщин от 30–39 лет;
46,9% мужчин; 29,6% женщин от 40–49 лет;
44% мужчин; 27,5% женщин от 50–59 лет;
42,9% мужчин; 50% женщин от 60 и старше.

В общем, 40% мужчин и 37,7% женщин отметили, что их не устраивает, какое место занимает религия в процессе сохранения и развития калмыцкого языка. Как видим из вышеприведенных данных, немалая часть (от четверти до половины опрошиваемых) выразила свою неудовлетворенность тем, какую роль играет религия в этом процессе.

Категоричное мнение, что религия вообще не играет никакой роли в сохранении калмыцкого языка, высказали 12,5% девушек до 20 лет, в других группах – единицы. У респондентов 60 лет и старше подобное мнение не возникает.

Следует обратить внимание на отсутствие ответов и выбор варианта «трудно сказать». Отметим, что в большей степени затруднились выразить определенную позицию в этом нелегком вопросе: 18,4% мужчин (40-49 лет), 18,0% мужчин (20-29 лет); 15% женщин (20-29 лет), 16,7% женщин (60 лет и старше).

Рассмотрим полученные данные в зависимости от места проживания и уровня образования респондентов.

42,4% городских респондентов удовлетворены тем, какую роль выполняет традиционная конфессия калмыков в процессе сохранения и развития калмыцкого языка. Среди тех, кто безразличен к этому вопросу, преобладают респонденты с неполным образованием (12,5%). 39,2% респондентов-горожан не удовлетворены тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка. В первую очередь такую принципиальную позицию высказали респонденты с высшим образованием (65,1%) и 3% этой группы считают, что вообще религия не играет никакой роли в этом процессе. Каждый десятый респондент-горожанин затруднился ответить на поставленный вопрос.

Чуть более трети (35,4%) респондентов, проживающих в райцентре, удовлетворены ролью буд-

дизма в сохранении калмыцкого языка. Прежде всего эту позицию выбрали респонденты с неполным средним (50%) и высшим (44,7%) образованием. Свое индифферентное отношение продемонстрировали респонденты с неполным высшим (5%) и высшим (4,3%) образованием. 39,6% респондентов из райцентра не удовлетворены участием религии в этом важном этнокультурном процессе. Это мнение разделяют опрошенные с неполным высшим (50%) и неполным средним (50%) образованием. Почти во всех анализируемых группах есть респонденты, указавшие, что буддизм не играет никакой роли в сохранении языка. Каждый десятый респондент, проживающий в райцентре, затруднился ответить на данный вопрос.

Проанализируем мнение сельских респондентов. 43% из них удовлетворены ролью традиционной конфессии калмыков в процессе сохранения и развития языка. Эта оценка в меньшей степени характерна для респондентов со средним специальным (37%) и средним (26,3%) образованием. К тому же среди первых есть те, кто безразличен к этому процессу (6,5%), в отличие от них, в других группах таковых не нашлось. 34,6% сельских респондентов отметили, что не удовлетворены тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка. В большей мере эту точку зрения разделяют опрошенные со средним образованием (63%). Только в этой группе имеются те, кто категорически заявляет, что религия не играет никакой роли в этом процессе (2,2%). Почти каждый шестой сельский респондент (15,8%) затруднился ответить на заданный вопрос.

Перейдем к анализу полученных ответов на открытые вопросы. 40% респондентов не ответили на вопрос «На каком языке Вы читаете молитвы бурханам?». Этот результат можно рассматривать с разных позиций. Отчасти нашей выборочной совокупности не свойственна религиозность, с другой стороны, те, кто считают себя верующими, не проявляют свою религиозность в чтении молитв. А третья причина отсутствия ответов, на наш взгляд, банальна, респонденты не хотели прилагать усилия для того, чтобы продумать ответ и записать его. Из тех, кто ответил, большая часть читает мантры на тибетском языке (более 15%). На калмыцком языке произносят молитвы значительно меньшее количество людей.

Чуть более трети (34,8%) опрошенных не ответили на второй открытый вопрос «Как вы считаете, на каком языке должны читать молитвы в хурулах?». Каждый девятый отметил, что необходимо читать молитвы на другом языке. В связи с этим представляется сложным определить, какой язык они имеют в виду. Половина нашей выборки однозначно считает, что службы должны проходить на калмыцком языке. Этот результат свидетельствует о том, что население испытывает

потребность слышать родную калмыцкую речь в буддийских хурулах, понимать текст молитв. В современных хурулах Калмыкии настоятелями являются, в основном, тибетские монахи. Общение прихожан с монахами зачастую происходит через переводчика. В редких случаях тибетцы могут общаться на русском или калмыцком языке.

Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче на встрече с журналистами в декабре 2008 года сказал, что есть надежда спасти калмыцкий язык при условии сохранения языковой среды, в первую очередь, в семье. Относительно проведения религиозных служб на калмыцком шаджин-лама заявил, что это тоже возможно, хотя перевод мантр – довольно трудоемкий процесс, да и подчас само толкование терминов неоднозначно. Ринпоче заметил, перевести молитвы еще полдела, будут ли они адекватно восприняты верующими – вот в чем вопрос. Ведь для этого человек должен знать смысл молитв, несведущему же в буддизме ничего не скажут молитвы, произносимые как по-калмыцки, так и по-тибетски [8].

На третий открытый вопрос, заключающий просьбу написать фрагменты молитв, большая часть (55,2%) опрошенных не отреагировала на наше задание, а 17% респондентов написали «нет». Данный ответ имеет двойственное значение, т.к. его можно рассматривать как простое нежелание записать текст молитвы, с другой стороны, как отсутствие религиозных знаний у части респондентов. 13,3% анкетированных читают мантру Авалокитешвары «Ом мани падме хум». 2,4% - мантру богини Тары «Ом таре ту таре туре сууха». 5,6% - произносят другие молитвы.

Мы разделяем позицию тувинского исследователя О.М. Хомушку, что современный человек опирается на религию в основном при решении каких-либо своих внутренних вопросов, отбирая в ней для себя то, что наиболее соответствует его жизненному опыту, уровню знаний, психологическому состоянию, душевному складу [7, с. 167]. Так, для людей пожилого возраста характерно обращение к морально-нравственным нормам буддизма. Для части верующих религия является определенной системой взглядов и действий, которые были восприняты еще в детстве и превратились в привычную форму отношения к действительности. Молодые люди не только видят в традиционном вероисповедании этнические черты, но и нуждаются в религии в прагматических целях. Они посещают хурул, слушают службы, чтобы решить каждодневные проблемы («продлить жизнь», «устранить препятствия», «открыть дорогу» для успешного дела, успехов в учебе и так далее).

Б.У. Китинов отмечает, что в прежние времена защитные системы этноса и религии (крепость родовых, племенных и иных уз, прежнее всеислие религии, традиций и пр.) срабатывали более эффективно, чем ныне. А с другой стороны, религия, живя по своим законам, тем не менее, как часть современной культуры должна развиваться, в известной мере преобразовываться: «актуальной остается проблема некоторой «модернизации», трансформации и реформации ... в буддизме» [2, с. 182]. Данный подход может содействовать усилению влияния буддийских основ, нахождению новых путей развития этноса. «Культурно-религиозный трафарет оказывает безусловное воздействие на общество, наряду с постоянным переосмыслением культурных представлений и символов, непосредственно влияющих на этнос и любой социальный организм» [2, с. 182]. Условиями, влияющими на сохранение этнической и конфессиональной идентичности народа, являются поддержание исторической памяти, следование традициям, обычаям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Намруева Л.В. Анализ видов идентичности (российская, республиканская, этническая): по материалам опросов в Республике Калмыкия // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тез. докл. Всерос. научн. конф., Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 217–219.
2. Китинов Б.У. Буддизм в идентификационных процессах у российских буддистов // Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 170–182.
3. Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
4. Намруева Л.В. Религиозный фактор и современная социокультурная динамика // Буддийская культура и мировая цивилизация: материалы III российской научн. конф. Элиста, 2003. С. 168–170.
5. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29–39.
6. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 50–68.
7. Хомушку О.М. Этнические особенности культуры человеческой общности // Мир психологии: научно-методический журнал. № 1 (45). М.; Воронеж, 2006. С. 161–170.
8. Эрендженова В. Тэло Тулку Ринпоче: Мы как одна футбольная команда // Известия Калмыкии. 2008. 5 дек.